

ТОРГОВЫЕ ПУТИ И СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Великий Шелковый путь, соединяющий экономическими связями различные части евразийского континента в древности и средневековье, оказал огромное влияние на культурное развитие разных народов и регионов. Это наследие сохранилось в исторической памяти многих народов и представлено в большом количестве разнообразных артефактов. Современный интерес к этому историко-культурному явлению побуждает нас вновь обратиться к этой теме, чтобы исследовать торговые пути и связи населения Кузнецкой котловины в древности и средневековье. В основе этого исследования преимущественно лежат археологические источники. Основными методами исследования являются описательный, картографический и сравнительно-исторический анализ.

Население Кузнецкой котловины в древности и эпоху средневековья вело комплексное, производящее и присваивающее хозяйство, что способствовало появлению прибавочного продукта и развитию обмена и торгово-хозяйственных отношений. О развитии обмена свидетельствуют многочисленные находки привозных изделий, сделанные при исследовании разнообразных археологических памятников Кузнецкой котловины. С момента появления Великого Шелкового пути во II в. до н.э. северная периферия Саяно-Алтая, где расположена Кузнецкая котловина была включена в сферу его воздействия, а торгово-обменные операции приняли системный характер и стимулировали формирование устойчивых торговых караванных путей, ответвлений от северной дороги, ведущей из Северо-Западного Китая в Семиречье. Наибольшего расцвета Великий шелковый путь в регионе, как и на всем Саяно-Алтае, достиг в эпоху средневековья, о чем свидетельствуют многочисленные артефакты [9; 10; 11; 12; 13; 14, С. 171–174; 27; 34, С. 81–90; 41, С. 49–68; и др.]. Однако первые предметы, импортированные на территорию Кузнецкой котловины по Великому Шелковому пути, были зафиксированы в древностях III–IV вв. на грунтовом могильнике Усть-Абинский в черте г. Новокузнецка (раскопки Ю.В. Ширина в 1988–1990 гг.). Здесь были найдены украшения (бусы и серьги) изготовленные в ремесленных центрах Среднего Востока [42, С. 84–88].

Первостепенное значение, при выделении культурных и торговых связей, среди предметов импорта имеют нумизматические материалы. При раскопках средневековых погребальных памятников Кузнецкой котловины было найдено более 20 различных монет, которые были в обращении в этот исторический период. Монеты, найденные на территории Кузнецкой котловины, различались по своему происхождению, что указывает на направление товарно-денежных отношений [14; 18, С. 185–188; 30; 31; 32].

Древние монеты из Китая, Византии и средневековых государств Средней Азии [14, табл. 3, С. 112–114; 6, 3, 11] представлены наиболее полно в материалах

трех памятников Терехинский клад, курганные могильники Саратовка и Сапогово [13; 27; 33, С. 8]. В количественном отношении в коллекции преобладают китайские монеты («у-чжу», «чан-пин у-чжу», «э-янь» и «кай-юань тун-бао»), имевшие хождение в эпоху раннего средневековья не только в Китае, но и на территориях, где торговые пути связывали Восток и Запад [5, С. 12, 15–16, 69; 35, С. 157]. Из серии китайских монет в количественном отношении преобладают монеты династии Тан «кай-юань тун-бао» (14, табл. 3, С. 114; 6, 13), которые отливались из бронзы, как на территории Китая, так и в торговых городских центрах, расположенных в Средней Азии на Великом Шелковом пути с 621 по 906 года, и были в обращении еще 900 лет после того, как выпуск их официально был прекращен [5, С. 16; 6; 28, С. 132–135]. Очень редкими для средневековых древностей Кузнецкой котловины являются находки тюркешских монет [14, табл. 6, 11]. Известно, что тюркешские монеты представлены большими группами в ранне-средневековых древностях Семиречья и Отрара [1, С. 125–130; 46, 1993, С. 81–82]. Монеты, найденные в Кузнецкой котловине, принадлежат к четвертому типу монет тюркешских хаканов. По одной версии монеты этого типа отливались в 20–40-е годы VIII века [38, С. 79], а по другой версии в 740–742 годах [7, С. 67].

Кроме этих монет, имеются многочисленные свидетельства о нахождении китайских монет в других средневековых археологических комплексах Кузнецкой котловины (более 20 случаев на памятниках преимущественно раннего средневековья – А.И.), но по причинам плохого хранения и инвентаризации они были утеряны. Такая же участь постигла три византийские монеты, которые были в числе прочих многочисленных находок при обнаружении Терехинского клада обнаруженного близ г. Новокузнецка в 1908 году и поступили на хранение в Эрмитаж [33, С. 8]. Однако, факт присутствия этих монет в коллекции этого памятника VI–VIII вв. успел запечатлеть и сообщить С.В. Киселев в своем фундаментальном труде «История Южной Сибири» [29, С. 584]. Известно, что византийские золотые монеты (солиды) в раннем средневековье имели широкое хождение по торговым путям и применялись в качестве международной валюты [3, С. 21].

Нумизматическую коллекцию, которая указывает направление торговых связей средневекового населения Кузнецкой котловины, дополняют материалы, импортированные из Китая, Средней и Передней Азии, а также Северного Причерноморья. Большое количество привозных предметов из этих традиционно крупных торговых центров свидетельствует о том, что у населения Кузнецкой котловины существовал стабильный прибавочный продукт, вероятно, прежде всего, пушнина и железо, который способствовал организации устойчивых торговых связей. При этом политическая ситуация в Центральной и Средней Азии оказывала заметное воздействие на приоритет в направлении торговых отношений.

В памятниках VI – первой половины VIII вв. преобладает импорт из Китая, Семиречья, Передней Азии и Северного Причерноморья – разнообразные предметы вооружения, монеты, массивный бронзовый колокольчик-бутало, бронзовые зеркала, предметы поясного набора (бляшки и пряжки), деревянные гребни, серьги, раковины каури, бусы, изготовленные из стекла, перламутра и пасты [14,

табл. 3, С. 65–67, 100–102, 105–107, 112–115]. Эти же направления торговли сохраняются и в конце I тыс. К числу предметов, импортированных из Средней и Передней Азии преимущественно в последней четверти I тыс., относится значительная масса сбруйных и поясных украшений различной формы и конструкции, изготовленных из серебра, бронзы и золота, монеты, а также зеркала, серьги, бусы из стекла и пасты [14, табл. 5, С. 1–35, 37–91, 118–134, 152–156; 6, 3, 11]. Уникален серебряный сосуд, найденный в Сапогово [27, рис. 44, 1], который изготовлен в лучших традициях согдийской школы. Из числа вооружения к среднеазиатскому и причерноморскому импорту можно отнести единичные находки кольчуг, панцирных пластин, шлемов, палашей, боевых топоров, кистень и отдельные типы наконечников стрел [14, табл. 4, С. 116–119, 122–124]. В период развитого средневековья ориентация торговых связей и набор импортированных предметов остаются прежними [8, С. 109–114; 14, табл. 8, 42, 43; 9, С. 51–56; 14, С. 56–67; 16, С. 51–57; 18, С. 38–42; 15, С. 159–162; 16, С. 95–105; 17, С. 25–27; 19, С. 119–122; 20; 22, С. 161–172; 23; 24, С. 19–29; 25, С. 31–45; 39, С. 94–100; 40, С. 150–159; и др.]. Кроме этого известно, что в одном из курганов развитого средневековья в долине реки Ур близ с. Ур-Бедари зафиксированы остатки шелковой материи иранского происхождения [36, С. 7]. Остатки шелковых тканей были найдены и в могиле 1 кургана №4 на курганный группе Мусохраново-1 (определения Т.Н. Глушковой), где была погребена знатная особа [26, С. 175–184]. Эта материя традиционно являлась главным и постоянным предметом торговли, фактически выполняя функцию международной валюты на Великом Шелковом пути [3, С. 20].

Этот перечень импортных вещей позволяет констатировать факт наличия торговых путей, связывающих население Кузнецкой котловины в эпоху средневековья с торговыми центрами Китая, Средней и Передней Азии, а также Северного Причерноморья. Не исключено, что эта территория являлась транзитной на северной периферии Великого шелкового пути [9, С. 15–16; 10, С. 16–18; 11, С. 37–40; 12, С. 103–105] для караванов, которые направлялись из Семиречья на Средний Енисей и в Прибайкалье [21, С. 116–123, 218]. В пользу этого предположения свидетельствуют также останки верблюда, зафиксированные Э.У. Эрдниевым при раскопках Маякова городища, функционировавшего на юге Кузнецкой котловины в эпоху средневековья [43; 44; 45]. Вероятно, это поселение выполняло функцию перевалочной базы для торговых караванов, которые затем шли на север в обход Кузнецкого Алатау или преодолевали его в восточном направлении.

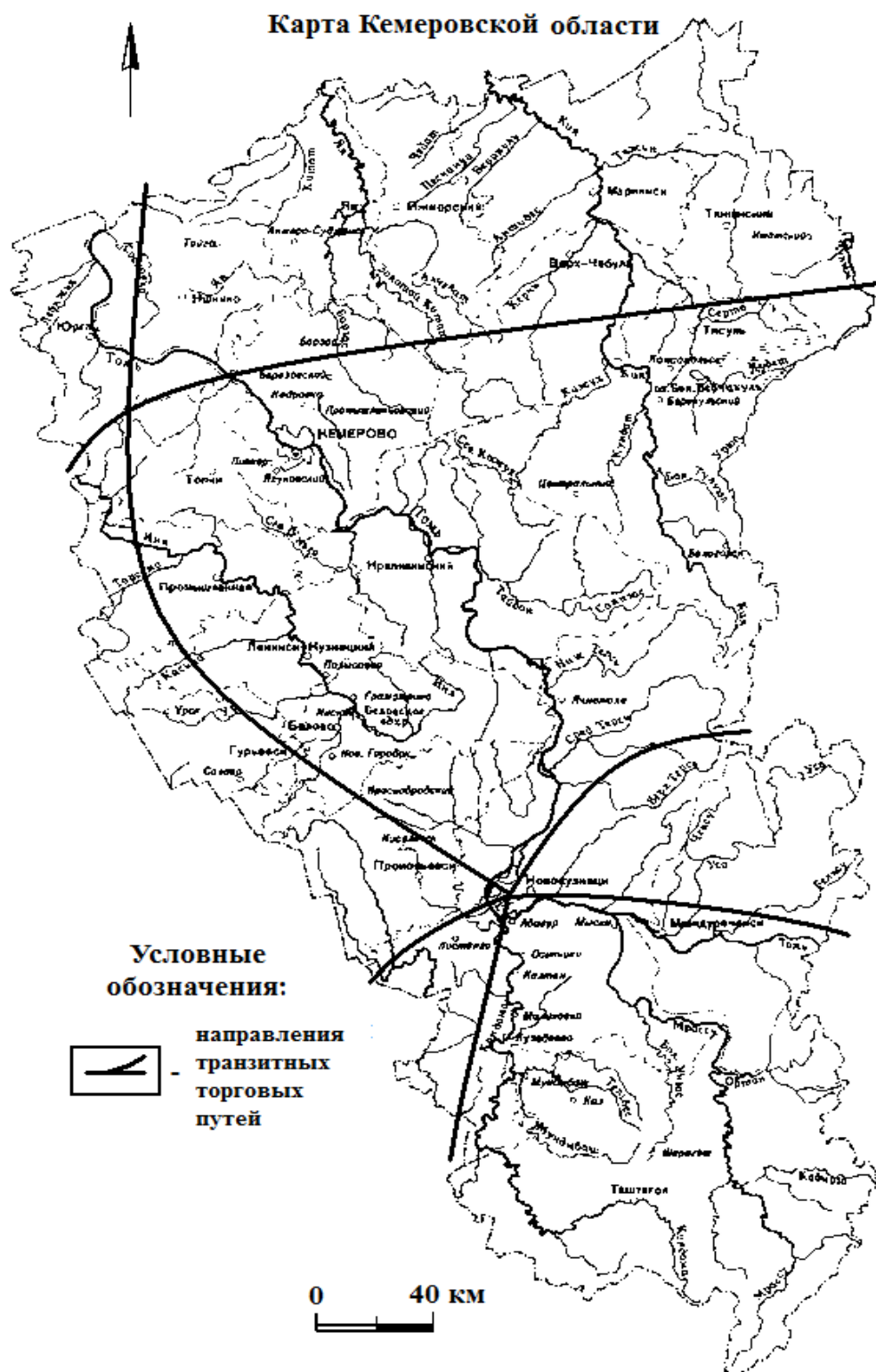

Рис. 1. Схема транзитных торговых путей в древности и средневековье на карте Кемеровской области

Фиксируемый по археологическим источникам импорт предметов из Кузнецкой котловины позволяет предположить, что торговые пути из этого региона Сибири на протяжении всей эпохи средневековья пролегли в двух направлениях (рис. 1). Первый путь, получивший в литературе название «степной» стал функционировать еще в середине I тыс. н.э. и впервые был описан «отцом истории»

Геродотом [3, С. 11; 36, С. 5; 37, С. 246–248]. Он пролегал по северному краю степи Западной Сибири и связывал население Саяно-Алтая и Кузнецкой котловины, в частности, с культурными центрами Южного Урала и Северного Причерноморья. Второй путь, связывающий торговые и культурные центры Северного Китая, Восточного Туркестана и Передней Азии, получил название «кыргызского».

Эта дорога проходила по караванным тропам северной части Великого Шелкового пути и поворачивала на север в пределах Верхнего Прииртышья, после чего огибала горные массивы Алтая, миновала южную окраину Кузнецкой котловины и достигала пределов государства кыргызов в Минусинской котловине. Этот путь начал функционировать, как и первый, в эпоху раннего железа, в пределах VI–IV вв. до н.э., но наиболее активно использовался в VII–XII вв. [36, С. 5–8]. При этом главным путем в изучаемый период истории явно являлся так называемый «кыргызский», который связывал население Саяно-Алтая с культурными и торговыми центрами Китая, Семиречья и Передней Азии. Восточный отрезок «кыргызского» пути на территории Кузнецкой котловины, вероятно в северной ее части, соприкасался со «степным путем», что стимулировало в этом регионе торгово-обменные операции.

Более активно эти дороги функционировали в период существования Западно-Тюркского и Тюргешского каганатов, когда местные племена, проживающие на территории Верхнего Приобья, попали под политическую зависимость этих государственных образований. Известно, что правители Западно-Тюркского каганата стали властвовать над всей Центральной и Средней Азией и установили экономические, дипломатические и культурные отношения с крупнейшими странами того времени – Византией, Сасанидским Ираном и Китаем [4, С. 32]. Эти обстоятельства во многом предопределили направления торговых потоков по Великому Шелковому пути, один из которых проходил по территории лесостепи Западной Сибири и Кузнецкой котловины, в частности.

Весь этот процесс отражает историческое явление, получившее название тюркского культурогенеза. Втягивание аборигенов Кузнецкой котловины в товарооборот по Великому Шелковому пути способствовало обогащению культуры населения северных территорий Западно-Тюркского каганата и подготавливало пути отходов тюркоязычных кочевников при их переселении на новые земли.

Второй период активизации торговых путей наблюдается вначале II тыс., когда на территорию Кузнецкой котловины проникают многочисленные группы тюркоязычного населения и формируют в регионе новую восточно-кыпчакскую культуру. Пришедшие по караванным тропам мигранты активизировали движение по торговым путям в западном и южном направлениях, что обусловило приток новых импортных предметов, изготовленных в ремесленных мастерских Передней и Средней Азии, а также Китая. Великий Шелковый путь активно функционировал вначале II тыс., взаимно обогащая население оседлых торгово-культурных центров и земледельческих оазисов юга Казахстана и Средней Азии и кочевников Дешт-и-Кипчак [2, С. 52–54]. Сложившиеся торговые связи между населением Кузнецкой котловины, Средней Азией, юга Казахстана и Северного

Причерноморья достаточно быстро были восстановлены даже после монгольского завоевания этих территорий.

Имеющиеся материалы позволяют констатировать, что Великий шелковый путь, проходивший через Кузнецкую котловину, функционировали на всем протяжении его существования, периодически затухая и возрождаясь. На активность торговых путей значительное влияние оказывала политическая ситуация в Центральной и Средней Азии. При этом стремление народов к активному общению с целью обогащения своей культуры, обмену материальными и духовными ценностями играло далеко не последнюю роль. Видимо, последний фактор был определяющим, когда на Великом Шелковом пути появились ответвления, что способствовало взаимовлиянию культур народов Юга и Севера, и культуры населения Кузнецкой котловины, в частности.

Список литературы

1. Аитова С.М. Статистический анализ находок древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе // Известия МОН, НАН РК. Сер. общ. наук. – 2000. – №1. – С. 125–130.
2. Ахинжанов С.М. Великий Шелковый путь и Дешт-и Кыпчак // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. – Алма-Ата: Фылым, 1991. – С. 52–54.
3. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Фылым, 1998. – 216 с.
4. Байпаков К.М. Древний и средневековый Отрар // Города Туркестана. – Алматы: Фылым, 1999. – С. 30–58.
5. Быков А.А. Монеты Китая. – Л.: Сов. художник, 1969. – 78 с.
6. Воробьев М.В. К вопросу определения старинных китайских монет «кай-юань тун-бао» // Эпиграфика Востока. – Вып.15. – М.; Л., 1963. – С. 123–146.
7. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.
8. Гребенникова Т.Г., Илюшин А.М., Тишкин А.А. Украшения конского снаряжения из кургана №4 памятника Мусохраново-1 в Кузнецкой котловине // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – №2(8). – С. 109–116.
9. Илюшин А.М. Великий Шелковый путь и его северная периферия в эпоху средневековья // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути: Тез. докл. Междунар. семинара ЮНЕСКО. – Алма-Ата, 1991. – С. 69–71.
10. Илюшин А.М. Кузнецкая котловина как перевалочный пункт на северной периферии Великого Шелкового пути // Международное сотрудничество археологов на «Великих» торговых и культурных путях древности и средневековья: Сб. тез. докл. – Кисловодск, 1994. – С. 16–18.
11. Илюшин А.М. Средневековый импорт в Кузнецкую котловину как источник взаимодействия культур и народов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Матер. конф. – Ч.V. – Кн.2. – Челябинск, 1995. – С. 37–40.

12. Илюшин А.М. Торгово-хозяйственные связи населения Кузнецкой котловины в эпоху средневековья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика: Матер. XI ЗСАЭК. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 103–105.
13. Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 160 с.
14. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.
15. Илюшин А.М. Уникальные находки посуды в средневековых древностях Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2006. – №4. – С. 159–162.
16. Илюшин А.М. Результаты раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2009. – №1. – С. 95–105.
17. Илюшин А.М. Торевтика из раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 25–27.
18. Илюшин А.М. Монеты в средневековых древностях Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2010. – №4. – С. 185–188.
19. Илюшин А.М. Серьги у средневекового населения Кузнецкой котловины // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). – Вып. III. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – С. 119–122.
20. Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. – 188 с.
21. Илюшин А.М. Влияние культурной среды Семиречья на сопредельные регионы Центральной Азии в эпоху средневековья // Алматы. История тысячелетия. Мат. междунар науч.-практ. конф. «Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст города Алматы» 17–18 ноября 2010 г. – Вып. 3. – Алматы, 2012. – С. 116–123, 218.
22. Илюшин А.М. Погребально-поминальный комплекс №3 на курганном могильнике Ишаново // Древности Сибири и Центральной Азии. – №5(17). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. – С. 161–172.
23. Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. – 216 с.
24. Илюшин А.М. Материалы раскопок могилы знатного воина в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2016. – Вып. 3. – С. 19–29.
25. Илюшин А.М. Материалы раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2016. – Вып. 4. – С. 31–45.
26. Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-

1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2010. №4. – С. 175–184.

27. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 126 с.

28. Камышев А.М. Местные подражания китайским монетам // Известия МОН РК, НАН РК. – Сер. общ. наук. – 2000. – №1. – С. 131–137.

29. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

30. Кузнецов Н.А. Средневековые монеты в памятниках верхнеобской культуры как показатель торговых связей Сибири и Семиречья в VIII–IX вв. н.э. // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2006. – Вып.8. – С. 15–25.

31. Кузнецов Н.А. Монеты в памятниках верхнеобской культуры // Тюркологический сборник. – М., 2007. – С. 212–222.

32. Кузнецов Н.А. Сибирь как объект торговых операций для среднеазиатских купцов // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2007. – Вып.9. – С. 22–30.

33. Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. – 158 с.

34. Кызласов Л.Р. Экономика и общественный строй государства древних хакасов // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – С. 73–98.

35. Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 156–169.